

ОЛЬГА ЯКОВЛЕВА

Я понимаю, что лучше всего, если б эта история начиналась летом. Или даже ещё лучше — поздней весной. Тогда сразу представляешь себе, как много впереди счастья. И книжка читается легко, и хочется, чтобы всё это происходило с тобой!..

Но что же делать, если повесть, которую ты сейчас будешь читать, началась осенью?

Правда, была совсем ещё ранняя осень. Первые числа сентября. Солнце заливало по утрам улицы. Помидоры, арбузы, груши и всё другое, такое же вкусное, продавалось чуть ли не даром. А древние старухи, которые до сих пор очень хорошо помнили, как оно было раньше, говорили даже, что по-старому... по-старому сейчас ещё лето!

Погода и правда была совершенно летняя. По радио объявляли двадцать шесть и двадцать семь градусов. Люди утром шли на работу в лёгких платьях и в белых рубашках с закатанными рукавами. А ученики первых — третьих классов бегали в школу в шортах или коротких юбках. И в сандалиях с белыми гольфами.

На переменах просто в глазах начинало рябить от этих гольфов!

Вот примерно о чём думала ученица второго класса «В» Ольга Яковлева, когда однажды утром шла в школу. Попался ей на пути базар — вспомнила, как женщины во дворе расхваливали удивительные, баснословно дешёвые базарные цены. Перебежала дорогу с теневого тротуара на солнечный — заметила прохожих, одетых по-летнему, и подумала про белые гольфы, которыми забит во время перемен весь коридор второго этажа (там учатся младшие классы).

Сама она была в коротеньких пёстрых носочках. Всё-таки не так одинаково.

Ольга уже две недели отучилась во втором классе. Да перед этим ещё целое лето считала себя второклассницей. В общем, могла бы при случае показать кое-кому, как следует себя вести.

Первый класс прошёл для неё словно бы во сне. К школе ведь привыкнуть нелегко! То и дело ей казалось, что всё это скоро кончится и настанет опять её обычная жизнь дома.

Но неделя проходила за неделей, она стала получать отметки, потом четвертные. Как перелески за окном поезда, мелькали короткие каникулярные деньки. И вот она, можно сказать, оглянуться не успела, как её подхватило свободное и весёлое лето.

Ученье кончилось!

Она словно бы из воды вынырнула — осмотреться и дух перевести. Что же выходило? Её научили считать, писать. Читать она до школы умела, но теперь ей это и нравилось, потому что она читать стала легко.

В общем, год в школе не пропал даром. Это можно было и по табелю проверить — отметки хорошие и внизу разборчивым красивым почерком написано: *«Переведена во второй класс»*. Эту надпись Ольга любила читать... вернее, не читать,

а просто рассматривать: продолговатые буквы с нажимом и квадратную, заметную точку в конце.

И хотя было понятно, что такой же точно надписью могут гордиться тысячи других ребят из тысяч школ, она всё равно нет-нет да и открывала ящик комода, доставала оттуда табель и... любовалась! А когда её повезли в деревню, взяла табель с собой.

* * *

Лето — ну, кажется, что могло в нём измениться из-за того, что Ольга стала школьницей? Да ничего!.. А на самом деле изменилось. Раньше она жила в деревне до тех пор, пока погода хорошая, а теперь уж — стоп, погодите! Каникулярное лето кончается ровно тридцать первого августа. (А слова-то какие: «каникулярное лето»!..) И даже не ровно тридцать первого августа, а ещё раньше — какого-нибудь числа двадцать восьмого, двадцать седьмого. Надо же приехать, проверить, всё ли готово...

Так она и прожила три летних месяца, помня о первом сентября, о замечательной надписи в табеле. И когда её спрашивали, в каком она классе, твёрдо отвечала: «Во втором!»

Даже имя у неё изменилось. Раньше звалась она Оля, Олька, Оленька. А теперь только Яковлева Ольга. Или просто — Ольга. Так она сама себя называла, когда думала о чём-нибудь. И так другим говорила, когда знакомилась. Мама к этому не хотела привыкать и не привыкла. А в школе привыкли. Никому дела нет — как хочешь, так и называйся!.. Ей кричали:

«Оля, у тебя карандашик есть синий?»

Она спокойно отвечала:

«Не Оля, а Ольга!»

«Почему же это Ольга?» — спрашивали у неё ехидно.

«А потому!»

В первые дни она попереживала из-за этого. Но потом мальчишки начали её так звать: Ольга. А за мальчишками и весь класс...

* * *

Сверкают галстуки, мелькают белые гольфы. Ольга входит на школьный двор. Ещё рано, в школу пока не пускают. На верхней площадке крыльца стоят дежурные девятиклассники с красными повязками на рукавах. Между каждыми двумя колоннами по человеку. Хорошо им, наверно, стоять там и смотреть с равнодушными лицами, как в школьном дворе бушует целое человеческое море!

За двадцать минут до звонка начнут пускать: проверят подпись родителей в дневнике — и путь свободен!

На ступеньках уже толпятся охотники первыми ворваться в прохладную гулкую школу. Первыми прострекотать вверх по гладким ступенькам и войти в класс, который, кажется, ещё не проснулся и потому тих, словно дремучий лес. Войти в него, в этот лес-класс, и сесть за свою парту, уже чуть пригретую ранним солнцем!

Ольге за две недели только однажды удалось это — влететь в школу среди первых, среди ватаги здоровых мальчишек-шестиклассников... Во все другие дни она приходила слишком поздно. Коридоры и лестницы уже были полны шума, толкотни, мелькания белых гольфов. И класс

грохотал, словно комната смеха или птичий вольер в зоопарке...

Наконец сегодня Ольга встала специально раньше. И раньше села завтракать, чтобы вовремя прийти к школе, пробиться на верхние ступеньки и...

* * *

Ольгу кто-то решительно взял за рукав. Она сейчас же обернулась — Светлана Карасёва, сидит за четвёртой партой у окна.

Светлана была в Ольгином классе с самого первого дня. Но в прошлом году, хоть и учились вместе, и строились вместе, и даже несколько раз вместе ходили в кино и на экскурсии, однако дружить никто ни с кем не дружил. Какие-то они ещё маленькие были.

А может, не в том дело, что маленькие. В детском саду ведь и того меньше были, но всё-таки Ольга дружила с одной девочкой — с Катей. Там, в детском саду, в старшей группе, они как-то взрослей себя чувствовали. Кругом полно малышни, за ними можно следить и ухаживать. От этого сам будто взрослее становишься... А в первый класс пришли — и опять маленькими сделались. Потому что всё кругом новое, строгое. И что ни человек — то старше тебя!

А уж во втором классе — нет! Во втором по-другому. Дружат. Хотя бы из школы ходят вместе. А Светлана эта, Карасёва, наверное, хочет с Ольгой подружиться. Один раз подошла:

«Давай ластиками меняться?»

«А зачем?» — спрашивает Ольга.

Тогда Светлана разжимает кулак. И видит Ольга: на Светланиной ладони лежит чудесный ярко-жёл-

тый ластик и нарисован на нём бегемот. Ольга взяла его в руки, а он мяконецкий, упругий. И огромный! Ну прямо как полбутерброда с сыром!..

Ольга про себя вздохнула, но ластик положила назад.

«Я не могу меняться! — Она сказала. — У меня же видишь какой».

А у неё-то самая обыкновенная стёрка. Хотя и тоже новая, но самая-самая простая. На которой написано: «Цена 1 коп.».

«А пускай! — говорит Светлана. — Ничего. Я всё равно... Давай, давай поменяемся!»

Но Ольга сказала:

«Я не буду!»

«Не хочешь, да?»

Светлана стояла с опущенной головой, и Ольга тоже голову опустила. Что делать дальше, она не знала. Но здесь как раз звонок прозвенел, и Светлана побежала к своей парте.

А потом ещё такой случай был — уже на этой неделе, в понедельник или во вторник. Уроки кончились, все пошли строем вниз, а Светлана взяла её за рукав, точно вот как сейчас:

«Хочешь посмотреть фотографии с видами города Лондона?»

«Города Лондона?»

«Да. Там мой дедушка был в поездке в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году».

«Ух ты, в пятьдесят восьмом!» — быстро подумала Ольга. Ведь она родилась только в шестьдесят седьмом. А Светланин дед всё это время, все эти долгие годы, пока она не родилась, ездил в Лондон, а может, и в другие города!.. Стало ей от этих мыслей удивительно и как-то тревожно...

А Светлана между тем уже достала из портфеля продолговатую серую коробочку. В ней лежа-

ли... слайды! Такие фотографии на цветной плёнке, опрaвленные в картонные рамки.

Слайды есть у них дома. Ольгин дядя, Илья, когда приезжал к ним в гости из Братска, фотографировал Ольгу и маму, как они живут в деревне, идут за грибами... А потом он отдал плёнку в мастерскую. Там её разрезали на кусочки и вставили в эти картонные рамки. Получились слайды.

«Их же надо через проектор смотреть», — сказала Ольга.

«Вот и совсем не обязательно! — Светлана поджала губы. — Можно просто на солнце повернуть, и всё видно!»

Она быстро вынула один слайд, подняла его на вытянутой руке — так, что солнце из окна стало проходить сквозь цветную картинку. И Ольга на секундочку увидела незнакомую улицу, полную людей, а сзади какую-то реку и вдалеке высокую острую башню.

«А если ты не хочешь... — Светлана быстро убрала слайды обратно в портфель, — а если ты не хочешь со мной смотреть, то так и нужно говорить...»

Ольга осталась одна в пустом, усталом после уроков классе. Тотчас заметила, что под столами и стульями валяется несколько бумажек. А доска стёрта плохо: видны хвосты цифр, от слишком мокрой тряпки остались белёсые небрежные полосы. «Хотела она со мной дружить, — подумала Ольга, — а я слишком умная оказалась!.. Теперь уж больше не захочет».

Дружить — хорошо, это Ольга знала. Она в деревне подружилась по-настоящему с двумя подругами — Галей и Таней. Эти девочки учатся в одном классе. Теперь они в третьем.

В деревне здорово было! Ольга ещё спит медвежьим сном, а девочки уже:

«Оля! Ну, ты скоро? Одни уйдём!» — и улыбаются. (Тогда ещё разрешалось Ольгу звать Олей.)

А летом окошки-то всё время открыты, и Ольга отвечает им прямо из-под одеяла:

«Я даже не завтракала!»

«Да мы взяли! Идём!»

«Я даже не умывалась!»

«Там умоешься...»

И на озеро! Ольга через окно, чтобы тётка Вера не видела. У Тани своя лодка была — отцова. Они втроём выедут на середину — и завтракать: хлеб, огурцы, картошка холодная. А пить — прямо через борт наклонись... Галка за края лодки ухватится, ноги расставит и кричит:

«Девочки, вы что? Лодку опрокинете!»

А Ольга с Таней нарочно на одну сторону налягут, чтоб лодку нагнуть, до воды дотянуться.

Хорошо было...

* * *

После той истории со слайдами Ольга не надеялась, что Светлана снова к ней подойдёт. И вот вдруг, когда она поднималась на школьные ступеньки, Светлана взяла её за рукав.

Ох, какая минута это была неподходящая! Так Ольге хотелось первой промчаться в школу. Но посмотрела молча на Светлану, себя пересилила и послушно пошла за ней.

Они миновали шумную часть двора, завернули налево, прошли немного вдоль заборчика, за которым был пришкольный участок... А через заборчик этот, словно кипящее молоко через край кастрюли, переваливались огромные буй-

ные кусты. И что там делалось, на пришкольном участке, Ольга не знала. Туда ходили только шестые-седьмые классы да члены специального кружка.

Светлана остановилась, опасливо огляделась кругом. Ни одна живая душа не видела их сейчас в этой отдалённой части двора.

— Пошли! — шёпотом сказала Светлана.

— Что такое? — тоже шёпотом спросила Ольга.

Они прошли ещё шагов пять. Но совсем медленно. Светлана считала штакетины:

— Двадцать семь, двадцать восемь... — тут она несильно надавила на штакетину — и получила дырка!

— Скорей! — шепнула Светлана.

Ольга нырнула в лазейку и тут же налетела щекой на сухую ветку, которая торчала, как деревянный штык.

— Дальше, дальше! — Светлана толкнула её головой.

— Сейчас...

— Скорее, замаскировать надо...

Ольга продралась сквозь кусты и выползла... на огромное поле, разбитое на множество коротких толстеньких грядок.

Может быть, не таким уж и огромным было это поле, а просто так показалось Ольге после шумной толкучки во дворе, и Светланиной таинственности, и неприветливой тесноты кустов... Ольга до этого каждую секунду чувствовала огненный росчерк царапины на щеке, а теперь забыла всё, стояла и смотрела, боясь перевести дух.

Светлана, тихо прошуршав ветками, тоже вылезла из чащобы, стала рядом.

— Да? Какой участок! — тихо сказала она и пошла вперёд.

Они всё шагали по главной дорожке, а слева и справа были всё грядки, грядки, грядки!.. Наверное, сто или тысяча грядок. И причём на каждой росло что-нибудь своё. Пшеница, турнепс (Ольга их знала по деревне), горох. Потом неизвестно что, неизвестно что, неизвестно что: просто росла на грядках как будто бы сорная трава, но ухоженно и аккуратно. Значит, какое-то хорошее растение... Вдруг Светлана остановилась:

— Видала?

На грядке, среди сильно уже повядших больших листьев — вроде как у лопуха или у тыквы — лежало три крупных полосатых шара. Ольга никогда не видела, как они растут, но догадалась сразу: арбузы!

Подруги полюбовались минутку арбузами, словно невиданными зверями за оградой, и пошли дальше. Светлана сказала:

— Их трогать нельзя. Заметят сразу...

Дальше были кабачки и ещё одни кабачки, но какой-то странной формы: короткие, круглые и ребристые. Однако после арбузов на них смотреть было уже неинтересно. Дальше росли два обобраных куста крыжовника...

И вдруг они обе остановились: Светлана — потому что знала, а Ольга — потому что дальше идти не могла. На грядке росла клубника. А из-под тёмно-зелёных её лакированных листьев, как из-под зонтиков, выглядывали красные и розовые ягоды — клубничины!..

Это всякий знает: клубники много в июле, в конце июня. Тогда ты её хоть до отвала ешь — конечно, если у тебя не бывает после этого крапивницы. Но уже в середине июля клубника — как говорится, хоть плачь, хоть скачь — исчезает на

целый год! И ни за какое серебро, ни за какое золото свежей клубничной ягодки тебе не видать до следующего начала лета!..

А на этих кустах не то что ягоды были, но даже ещё цветы цвели, словно сейчас середина мая, а не середина сентября. Однако цветы эти Ольга заметила лишь краем глаза. А вот ягоды горели и горели изо всей силы, будто красные светофоры, и хотелось сорвать, и было боязно!

— Сорвём по одной! — не выдержала наконец Ольга.

И такой голос у неё получился жалостный, как у котят из детской передачи: «Тётя-тётя Кошка, выгляни в окошко. Есть хотят котятка, ты живёшь богато!..» Просто вспоминать противно.

Однако Светлана ничего такого не заметила, не подсмеялась над Ольгой. Она сама очень хотела ягодку съесть.

— Смотри, как много, — она сказала, — можно и по две сорвать, правда?

— Только выберем! — предупредила Ольга. — Самые-самые главные!

Но не удалось им отведать чужой сладкой ягодки.

Через кусты быстрой птичьей стаей понеслось: д-з-з-з! Это летел школьный звонок.

Ещё секунду назад кругом была тишина. Только два-три кузнечика перекликались из разных углов сада. А теперь, вслед за звонком, опять слышны стали крики, визг, смех. Все эти звуки, словно водяные брызги, высоко взлетали над школьным двором, сверкая, перескакивая через зелёную стену кустов и шлёпались к ним на участок.

— Бежим! — крикнула Ольга.

— Ой! — испугалась Светлана.